

РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

И.Г. Курганова

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ

Аннотация: исследование новых религиозных движений заслуженно считается одной из самых актуальных и значительных тем как в философско-культурологическом плане, так и в плане сугубо теоретическом, поскольку затрагивает фундаментальные вопросы религиоведения. Необходимо подвергнуть критике односторонние, субъективные подходы в трактовке природы и социокультурной роли новых религиозных движений, характерные для апологетов религиозных новаций и их конфессиональных противников из среды традиционных религий. Особенного внимания заслуживает методология религиоведческих исследований.

Ключевые слова: философия, культура, религия, религиоведение, методология, новация, секта, культ, новые религиозные движения, традиционные религии.

За последние двадцать лет в религиозном пространстве России произошли серьёзные изменения. На авансцену вернулись не только традиционные для нашего отечества конфессии, но и нахлынули многочисленные и разнообразные по своей структуре и вероучению новые религиозные движения.

Государственные институты также как и общество в целом оказались не готовы к неожиданной экспансии религиозных новообразований, что выразилось в разнообразной палитре чувств: от радушного приёма¹ до крайней неприязни. Достаточно быстро среагировала Русская православная церковь. Появились конфессиональные исследования НРД, носящие ярко выраженный редуccionистский и оценочный характер². Было переведено на русский язык достаточное количество западной антикультовой литературы. Всё

это, конечно, несколько не продвинуло в понимании нового религиозного феномена, а лишь способствовало распространению религиозной нетерпимости.

Более подготовленными к изменениям религиозной жизни российского общества оказались отечественные религиоведы, ведь первые исследования НРД появились ещё в СССР в конце 1970-х — в 1980-х гг. Однако быть подготовленным и быть востребованным две разные вещи.

В современных условиях необходимости мира, согласия, единства и стабильности российского общества государству ещё предстоит выработать сбалансированную политику в отношении религиозных новообразований и законодательно закрепить её. Первичная основа для построения подобного взвешенного подхода — квалифицированные научные исследования отечественных религиоведов, открывающие путь к пониманию и объяснению новых религиозных феноменов.

Мы попытаемся рассмотреть новые религиозные движения в качестве объекта религиоведческих исследований. А чтобы охватить наиболее актуальные вопросы, ограничимся проблемным анализом.

¹ В начале 1990-х на легальных основаниях были изданы и распространены по школам России мунитские учебники «Мой мир и я»; на телевизионном канале «2х2» выходила в эфир программа АУМ Синрикё «Постижение Истины», а на радиостанции — их же радио программа «Распространение проповеди Святых Небес».

² Напр.: Дворкин А.Л. Сектоведение. Н.Новгород, 2002.

Новые религиозные движения, ставшие для нас вполне привычным явлением религиозной жизни современного общества, как объект религиозно-исследовательских исследований представляют гораздо более сложный и неоднозначный феномен.

По причине ареала распространения и соответственно заинтересованности со стороны государства и традиционных религиозных институтов, а также более широких творческих и иных возможностей первыми в процесс научных исследований включились западные религиоведы. Советское же религиоведение, сама необходимость существования которого в XX в. оспаривалась со стороны государства, было до предела скованно идеологическими рамками. Как отмечает известный исследователь НРД Е.Г. Балагушкин, «воинственный атеизм, возведённый в СССР в ранг единственно допустимой идеологии и государственной политики, неизбежно ограничивал и сужал поле религиоведческих исследований»³. Е.Г. Балагушкин отмечает, что «обманчивая доктрина «массового атеизма» ... могла серьёзно подорвать и даже вовсе парализовать изучение религии и тем самым нанести непоправимый ущерб отечественной науке, культуре и образованию, однако этого не случилось в основном благодаря двум обстоятельствам»⁴. Речь идёт как раз о феномене религиозных новообразований. С одной стороны в самом СССР распространяются и растут объединения протестантов и пятидесятников, с другой — распространение новых религиозных движений на Западе, широко освещённых в прессе, не могло не вызвать отклик советских учёных. Атеистическая направленность советской идеологии в данном случае никак не задевалась (а если задевалась — об этом старательно умалчивали), напротив — было полезно выяснить, что же не так в социальной, культурной и духовной жизни буржуазных обществ, если там столь стремительно разрастаются всевозможные «неорелигиозные культы». На этой волне в нашей стране появляются первые серьёзные религиоведческие работы, посвящённые новой проблематике⁵. Несмотря на

некоторые идеологические ограничения, наложенные эпохой, эти исследования по-настоящему обогатили отечественное религиоведение и послужили фундаментом для дальнейшего изучения религиозных новаций.

Для адекватного выражения содержания понятий большое значение имеет обозначающая их терминология. В рамках научных исследований религиозных новообразований вопрос терминологии никогда не терял своей актуальности.

«Нетрадиционные культы», «религии Нового века», «неорелигии», «альтернативные религии», «альтернативные культы», «странные культы», «внеконфессиональные, неканонические верования», «молодёжные религии» и т.д. — как только не обозначался феномен религиозных новообразований, появившихся сначала на Западе в конце XIX в. (первая волна), получивших широкое распространение в Японии — сразу после окончания второй мировой войны⁶, а также в США и Западной Европе в 60-70-е годы XX в.,⁷ в конце 80-х в России (вторая волна).

Термин «новые религиозные движения»⁸ на сегодня наиболее устоялся для обозначения исследуемого феномена, прежде всего, по причине наибольшей релевантности и нейтральности.

природа «религий Нового века» // Вопросы научного атеизма. 1985. № 32; и др.; Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь. М.: изд-во МГУ, 1980; Критика идеологии и практики современного кришнаизма. М.: Знание, 1984; Критика современных нетрадиционных религий (источники, сущность, влияние на молодежь Запада). М.: изд-во МГУ, 1986; и др.; Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? М.: Политиздат, 1984; Нетрадиционные религии на Западе и восточные религиозные культы. М., 1985; Нетрадиционные религии в странах Запада и их влияние на молодежь. М., 1985; Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981; Трагедия Джонстауна и американские секты // США: экономика, политика, идеология. 1979. № 6; Дела и учения гуру Раджнеша // Вопросы философии. 1986. № 8 и др.; Никифорова Б.З. Кризис религии в современном капиталистическом мире. М., 1986.; Угринович Д.М. Общий кризис капитализма и религия. М., 1979.

⁶ См.: Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России. Ч. 1. М.: ИФ РАН, 1999. С. 14.

⁷ Там же; Кантеров И.Я. Новые религиозные движения // Религиоведение. Уч. / под ред. И.Н. Яблокова. Гл. XI. М.: Высшая школа, 2008. С. 311.

⁸ Калька с английского «new religious movements». См., напр., Bromley, D. New Religious Movements in Swatos, W.Jr. (ed.) Encyclopedia of Religion and Society//http://harr.hartsem.edu/ency/NRM.htm.

³ Балагушкин Е.Г. Исследования религиозных новообразований (Л.Н. Митрохин о «новых религиозных правах», М.Л. Кинге, «чёрных мусульманах» и религиях «Нового века») / Л.Н. Митрохин. М.:РОССПЭН, 2010. С. 172.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Митрохин Л.Н. Негритянское движение в США: идеология и практика. М.: Мысль, 1974; Религии «Нового века». М.: Советская Россия, 1985; Социально-психологическая

Единого общепринятого определения понятия «Новые религиозные движения» не существует. Так, вполне обоснована та точка зрения, сторонники которой утверждают, что все религии и движения были когда-то «новыми». Яркий пример тому приводит Б.З. Фаликов. На конференции Американской академии религии социолог Р. Старк разыграл аудиторию, описав историю некоего новоявленного гуру, который сеял смуту в обществе, «завлекал в свои сети простаков, требовал от них отречения от близких, пугал неминуемым концом света и вдобавок поносил respectable традицию»⁹. А речь шла не о ком ином, как об Иисусе Христе. Так джайнизм, буддизм, христианство, ислам и другие религии явились религиозными новациями для определённого времени и региона. Как справедливо пишет Л.И. Григорьева, «расплывчатость и неопределённость хронологического критерия связана и с тем, что само неорелигиозное творчество не прекращалось ни в одном столетии ни в одной стране мира»¹⁰. В связи с этим Л.И. Григорьева задаётся вполне обоснованным вопросом о том, что должны ли те религии, истоки которых будут уходить в прошлое, «автоматически превращаться в «традиционные», а появляющиеся ... определяться в качестве «новых»?»¹¹ На первую часть вопроса мы бы ответили отрицательно. Понятие «традиция», пройдя через призму культуры постмодерна, претерпело так много смысловых метаморфоз, что потеряло свою нейтральность и однозначность, поэтому, как нам кажется, если оно и будет использоваться религиоведами будущего, то скорее как маркер для религиозных образований, которые мы и сегодня называем «традиционными» (так, к примеру, мы говорим «Средние века», «Новое время», отчётливо понимая временную относительность этих терминов).

Отрицать, что термин «новые религиозные движения» имеет очевидную привязку ко времени нельзя. Религиоведческие исследования через столет, вероятно, будут оперировать каким-то иным термином по отношению к религиозным движе-

ниям, которые мы сегодня называем «новыми». И бесспорно, что категорию «новые» пополняют в свою очередь иные виды религиозности и формы их институализации. Современные научные исследования в рамках религиоведения нацелены скорее на прагматические результаты, особенно в рамках социологии религии.

Если говорить о феномене новых религиозных движений, то обозначение временных рубежей для исследуемого объекта является необходимым допущением, которое позволяет придать исследованию системный характер, избежать тавтологии и добиться конкретных результатов.

Таким образом, в религиоведении сегодня наиболее распространён подход, в рамках которого утверждается, что феномен НРД характерен для истории конца XIX и для XX вв. и связан с изменением социально-экономического, этнополитического и культурного образа жизни в Западной Европе, т.е. явился своеобразным ответом на новые запросы общества. Также понятие НРД используют для обозначения различного рода религиозных групп, появившихся в 1960-1970 гг. в странах Западной Европы и некоторых странах Азии, а также с середины 1980-х гг. — в России.

Ранее мы упоминали многообразие терминов для обозначения религиозных новообразований, и важно отметить, за выбором того или иного стоит не просто вопрос фразеологии и этимологии, но и конкретная методологическая установка исследователя.

В самом общем плане религиоведение можно разделить на конфессиональное и неконфессиональное, или собственно научное. Конфессиональное религиоведение (употребить данное сочетание можно лишь с большой натяжкой) несёт не только оценочный характер (впрочем, для науки приемлемо давать рациональные оценки), но и страдает редуccionизмом. Однако конфессиональные исследования по вопросу новых религиозных движений не просто имеют место быть, они выходят с завидными частотой и тиражами, часто подменяя объективный религиоведческий анализ обыкновенной диффамацией и религиозными предрассудками, а также нередко имеют и политическую подоплёку. Подобные работы формируют образ врага — крайне негативный образ религиозных новообразований в обществе. Е.Г. Балагушкин справедливо замечает, что даже если «при этом не прибегают к церковному анафематствованию «ереси», «ловцов человеческих душ» ... исходя из социологического или

⁹ Фаликов Б.З. Культы и культура: От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М.: РГГУ, 2007. С. 12.

¹⁰ Григорьева Л.И. Религии «нового века» в современной России: социально-философский анализ. Автореферат дисс. М., 2000. С. 22.

¹¹ Там же.

религиоведческого контекста, подбирают иные слова и стремятся убедить, что это «не подлинные религии» и даже «вовсе не религии», а некие «искусственно сфабрикованные культы», т.е. чистый обман и надувательство»¹².

В подобном ракурсе выходят работы А.Л. Дворкина, который возглавляет сегодня не только несколько организаций и фондов с антикультовой направленностью, но и экспертный совет по проведению религиоведческой экспертизы при Минюсте РФ. Основной труд Дворкина называется «Сектоведение», собственно из названия очевиден подход. Термин «секта» с вполне безобидной этимологией приобрёл в последнее время характерный эпитет «тоталитарная» и с лёгкой руки церковных кругов вошёл в широкое употребление. Примечательно, что творцом термина «тоталитарная секта» считает себя как раз А. Дворкин¹³.

Очень метко пишет об этом И.Я. Кантеров: «В начале 90-х годов россияне стали свидетелями грандиозного «методологического прорыва» в классификации религий. На свет появился новый термин, никогда ранее не применявшийся к обозначению религиозных объединений. Речь идет о прилагательном «тоталитарный», которое, в сочетании со словом «секта», замышлялось как наименование десятков религиозных образований, имеющих совершенно непохожие вероучения, обряды, социальные программы, численность и состав последователей»¹⁴. В термине «тоталитарные секты» по умолчанию заложена печать миссионерского обличения, он несёт явный негативно-оценочный характер по отношению к религиозным новообразованиям со стороны господствующих религиозных организаций.

«Тоталитарные секты — это словосочетание... из профессионального лексикона тех общественных групп и организаций, которые видят в сектах абсолютное зло и ставят своей целью борьбу с ними... те, кто не по незнанию, а вполне осознанно пользуются этим выражением, стремятся убедить всех, что порядки, царящие в сектах, ничем

не лучше, например, того, что было в нацистской Германии»¹⁵, — отмечается в учебном пособии, посвящённом НРД. Негативную окраску термин «секта» приобрёл не только в России, также отрицательно он расценивается и на Западе: назвать какое-либо религиозное объединение сектой означает автоматически приписать ему множество негативных черт и оскорбить его членов. Нельзя не согласиться с авторами выше упомянутого пособия в том, что «наука никого не обвиняет и никого не оправдывает, и наша задача — это максимально объективное и нейтральное описание ... и по формальным критериям очень многие из этих «сект» называть сектами даже в строго религиоведческом смысле было бы неправильно»¹⁶. Здесь речь идёт о религиоведческом подходе, берущем начало в исследованиях Эрнста Трельча: сектами обычно называют те группы, которые отделились от Церкви. Но многие НРД вообще ни от кого не отделялись, а возникли как бы на «пустом месте».

Также сегодня мало пригоден для научного исследования религиозных новообразований термин «культ». Первые исследователи религиозных новаций на Западе пользовались для их обозначения как раз этим термином. Использовал его и Л.Н. Митрохин, однако, не был им удовлетворён, поскольку термин «культ» «не соответствовал общепринятому обозначению обрядовой стороны религии»¹⁷, исследователь также отмечал недостатки термина «религии нового века», являющегося самоназванием новых образований и лишь символизирующего их семантику и функциональное назначение.

Сегодня в США публично назвать какую-либо религиозную организацию культом — значит предъявить ей серьёзное обвинение и опорочить её репутацию, поскольку нейтральный в науке термин за её пределами обретает негативную качественную характеристику. Первоначально, сто и более лет тому назад, у протестантов США слово «культ» обозначало религиозную группу, искажающую, по их мнению, основные поло-

¹² Балагушкин Е.Г. Исследования религиозных новообразований. (Л.Н. Митрохин о «новых религиозных правых», М.Л. Кинге, «чёрных мусульманах» и религиях «Нового века») / Л.Н. Митрохин. М.: РОССПЭН, 2010. С. 206.

¹³ Кантеров И.Я. Как классифицировать религиозные организации // <http://news.invictory.org/issue6847.html>.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Эгильский Е.Э., Матецкий А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: КноРус, 2011. С. 75.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Балагушкин Е.Г. Исследования религиозных новообразований. (Л.Н. Митрохин о «новых религиозных правых», М.Л. Кинге, «чёрных мусульманах» и религиях «Нового века») / Л.Н. Митрохин. М.: РОССПЭН, 2010. С. 206.

жения Библии, т.е. слово «культ» означало для них примерно то же, что «ересь» или «собрание еретиков»¹⁸.

Необходимо также коснуться громкого термина «религии Нового века» (New Age), выше упоминалось, что это самоназвание религиозных новообразований, передающее их целеустремленность создать Нового человека в Новом обществе. Помимо романтического оттенка, мало подходящего для науки, данный термин также нельзя применить ко всем религиозным новациям, так как оккультно-антропологическая утопия не входит в цели многих из них: школы тибетского буддизма на Западе, движения анастасьевцев и бажовцев в России, Вера Бахаи и др. не стремятся к реализации ньюэйджерской программы. Отдельные движения наоборот заняты эсхатологической проблематикой. Кто-то продвигает в качестве идеала обратную перспективу: например, кришнаиты, стремятся возродить сословно-теократический строй Древней Индии — варнашрамдхарму, НРД в рамках ислама выдвигают в качестве чаемого идеала умму времен пророка Мухаммада.

Таким образом, наиболее адекватным, а главное оценочно нейтральным термином как в отечественном, так и западном религиоведении для обозначения религиозных новаций стал термин «новые религиозные движения» (НРД), впервые введённый в научный оборот английским социологом Айлин Баркер¹⁹.

Однако и этот термин не свободен от недостатков. Как отмечается в статье Е.Г. Балагушкина и В.К. Шохина, эти недостатки обусловлены неполнотой охвата в термине «НРД» всего разнообразия новых религиозных феноменов и недостаточной точностью их интерпретации, но сама «обобщённость» этого термина имеет преимущество в том, что он «позволяет интегрировать в языке религиоведения как институционально оформленные, так и аморфные религиозные общества»²⁰.

Сама А. Баркер на сайте возглавляемой ей же организации INFORM²¹ сообщает, что «здесь

не делается попытки дать слишком точное определение термину «новые религиозные движения» (НРД). Он используется приблизительно, с целью передать общесмысловое значение, от которого можно оттолкнуться, чтобы охватить то, что другие называют культами, сектами, нетрадиционными религиями, альтернативными религиями ... а также новыми движениями внутри традиционных религий»²².

Поскольку мы рассматриваем НРД в качестве объекта религиоведческих исследований, необходимо сделать некоторые отступления в сторону методологических установок современного религиоведения. Вторая половина XX в. отмечена как начало третьего этапа в развитии научного религиоведения²³. Изучение религии в послевоенные годы стали называть «современным религиоведением» в противовес религиоведению классическому. Оно обрело ряд тенденций, которые, как отмечал А.Н. Красников, «важно учитывать как в теоретическом, так и в практическом аспектах»²⁴. Первой из них является усиление организационного начала, междисциплинарных взаимодействий и международных контактов. Во-вторых, изменились акценты в области исследований. Классическое религиоведение в большей степени обращалось к историческому материалу: наибольший интерес вызывали первобытные верования, архаические религии, а также классические формы наиболее распространённых религий. Научная установка изменилась — происходит накопление данных не только о традиционных религиях, но и о религиозных новациях современности.

Так, во второй половине XX в. в религиоведении усиливается интерес к современности, к «новым религиозным движениям», квазирелигиям (Н. Сمارт), «крипторелигиозности» (М. Элиаде), секуляризации. Сочетание исторического анализа с возрастающим интересом к современности требовало новых научных подходов. На первый план вышли методы социологии религии и, как считал известный специалист по методологическим проблемам религиоведения А. Н. Красников, это привело к тому, что порой «ставился знак

¹⁸ См.: Эгильский Е.Э., Матецкий А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: КноРус, 2011. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2. С. 63.

²¹ the Information Network Focus on Religious Movements — организация, занимающаяся научными исследованиями но-

вых религиозных движений, базируется в Лондонской школе экономики.

²² <http://www.inform.ac/>

²³ См. об этом: Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академ. проект, 2007. С. 150.

²⁴ Там же.

равенства между научным изучением религии и социологией религии»²⁵. Несостоятельными оказались и претензии феноменологии религии на то, что она сможет стать интегрирующей силой в религиоведении. Так во второй половине прошлого века перед научным религиоведением всерьёз встала проблема поиска новой научной парадигмы, способной объединить разные религиоведческие подходы и обозначить новую перспективу религиоведческих исследований. Помимо новых методологических проблем перед религиоведами во второй половине XX в. появились и новые возможности, прежде всего, информационные. Развитие масс-медиа и Интернет-технологий открыли перед учёными доступ к информационным ресурсам практически всего мира. Другой важной тенденцией в современном религиоведении стало повышенное внимание к уточнению религиоведческой терминологии. Постепенно преодолевается распространённый в западном религиоведении евро- и христоцентризм. Многие образы и идеи не могли более выражаться на языке сложившегося понятийно-категориального аппарата. Так, к примеру, западное понимание греха и спасения оказалось мало приемлемым для анализа восточных религий, также ограниченными оказались и многие другие концепты западного религиоведения. И здесь начинает отчётливо ощущаться потребность в аналитическом религиоведении, способном подвести единую методологическую базу под исследования типологически различных религиозных систем и которое в нашей стране сегодня только находится на стадии формирования.

Таким образом, новые религиозные движения как объект религиоведческих исследований, с одной стороны, испытали на себе воздействие методологических перемен в современном религиоведении (обращение к современности, изменения понятийно-категориального аппарата и т.д.), и, с другой стороны, послужили одной из причин и даже катализатором этих изменений, представляя собой один из ярчайших и мало исследованных феноменов религиозной жизни Запада и отдельных стран Востока, начиная со второй половины XX в.

Среди методологических подходов к исследованию НРД на сегодняшний день в религиоведении всё ещё преобладают социологический и

феноменологический, которые позволяют изучать преимущественно внешнюю сторону религиозных новообразований, довольствуясь описанием и семантическим анализом при исследовании исторического своеобразия религиозной традиции и её взаимодействия с другими традициями, а также при изучении их социально-политических установок. Этого было вполне достаточно, чтобы решать прагматичные задачи, стоящие перед религиоведами, однако, при таком подходе структурно-функциональные особенности религий оставались не замеченными.

Как пишет Е.Г. Балагушкин, при господстве дискурсивно-феноменологической установки в теологии, религиоведении и социально-философских исследованиях НРД оказались непостижимы, поэтому даже в научной среде заговорили о «псевдорелигиях» и «странных культах». Вот здесь-то и возникает действительная потребность в новом научно-исследовательском подходе, ответом на которую способен стать морфологический анализ религий. Нельзя не согласиться с Е.Г. Балагушкиным в объяснении причин подобной необходимости. Во-первых, НРД отличаются своеобразием, нетрадиционной формой и содержанием, которые нужно понять; во-вторых, в новейших социально-политических условиях нет иного миротворческого выхода, как только двигаться к межконфессиональному диалогу и веротерпимости, которые в свою очередь должны иметь под собой теоретическую основу; в-третьих, существует ряд трудностей, связанных с разработкой отвечающего современным реалиям законодательства, призванного регулировать деятельность многочисленных НРД в России с учётом всей специфики.

Если говорить о решении подобных задач, то эвристический потенциал описательного религиоведения исчерпан. Оно не претендует на построение структурно-функциональных типологий и концептуальных схем исторического морфогенеза религий²⁶. Это подтверждается тем, что многие современные исследования НРД ограничиваются накоплением эмпирической информации.

Несколько непроработанной представляется методологическая позиция (по крайней мере, в плане терминологии) авторов недавно

²⁵ Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академ. проект, 2007. С. 152.

²⁶ Балагушкин Е.Г. Исследования религиозных новообразований. (Л.Н. Митрохин о «новых религиозных правых», М.Л. Кинге, «чёрных мусульманах» и религиях «Нового века») / Л.Н. Митрохин. М.: РОССПЭН, 2010. С. 214.

изданного учебного пособия, посвящённого феномену НРД²⁷. Они возлагают надежды как раз на феноменологический подход к религиозным новообразованиям. Авторы пособия пишут следующее: «До сих пор исследование вероучений и культов НРД чаще всего носило дескриптивный, феноmenoграфический, назовём его так, характер. Возможно, настало время перейти от феноmenoграфии к феноменологии новых религий, включающей в себя интерпретацию и анализ феноменов «новой религиозности»²⁸. Возможно, ощущение туманности данной формулировки — это издержки терминологии, но какая ни есть она сложилась в религиоведении. И то, что эти исследователи называют феноmenoграфией как раз и есть классическая феноменология, а та, что они предвкусывают, видимо, неофеноменология. Но вопрос о сути неофеноменологии так и остался зависшим между её (неофеноменологии) возможностью и реальностью уже сложившегося метода в религиоведении под названием феноменология, основной характер которого — дескриптивность. Мы полагаем, что если говорить о методологии, призванной решать задачи, стоящие перед современным религиоведением, то нужно употреблять более конкретную терминологию. В данном случае морфологический анализ в рамках аналитического религиоведения как метод и как термин наиболее уместен. Именно он позволяет объединить в единой теории все исторические и функциональные типы веры.

Хотелось бы процитировать в качестве обоснования аналитического религиоведения слова Е.Г. Балагушкина: «Решительный прорыв в исследовании религий следует ожидать от нового аналитического религиоведения, которое позволит глубже и полнее понять роль и значение религии ... по освоению человеком мира при посредстве специфической, сакральной модальности сознания»²⁹.

Подмена научных религиоведческих исследований конфессиональными или даже ангажированными не редкость, (очевидны по-

добные прецеденты даже с религиоведческими экспертизами). Запретить выход подобных изданий никто не сможет. Поэтому помимо вопроса о выборе тех или иных методологических установок для религиоведения также актуален вопрос научной объективности. Так, в начале своего существования английская организация, созданная при поддержке традиционных церквей, занимающаяся изучением НРД и что важнее информированием о них общества — «INFORM», активно участвовала в антикультовом движении. В 1990-х её руководитель А. Баркер осудила перегибы антикультового движения и призвала к объективности, за что её моментально обвинили в получении крупной денежной суммы от наиболее влиятельных и финансово преуспевающих новых религиозных движений. Тем не менее, А. Баркер убедительно демонстрирует научную объективность в данном вопросе. На сайте INFORM опубликованы принципы организации, отвечающие критериям научно-исследовательской объективности³⁰:

«Основная цель INFORM — помогать людям посредством обеспечения их точной, сбалансированной, последней информацией о новых или альтернативных религиозных или спиритуалистических движениях.

INFORM не выносит суждений по поводу религиозных убеждений. Но мы можем рассказать вам, что они из себя представляют.

INFORM не говорит о том, плоха ли или хороша та или иная группа. Но мы можем рассказать вам, что та или иная группа сделала или делает.

INFORM не говорит, что вам думать о той или иной группе. Но мы можем предоставить вам информацию из самых разнообразных источников, чтобы вы сами могли прийти к более обоснованному суждению.

INFORM не говорит, что вам делать. Но мы можем рассказать вам о возможных последствиях различных действий, основанных на опыте прошлого и научных исследованиях». Данный подход мог бы быть успешно применён, к примеру, в деятельности консультационно-информационного центра им. Св. Иринея³¹, получающего государственные ассигнования на подобный INFORM вид деятельности, однако, в адрес которой поступает много нареканий со стороны правозащитников за

²⁷ Эгильский Е.Э., Матецкий А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: КноРус, 2011. С. 178.

²⁸ Там же.

²⁹ Балагушкин Е.Г. Исследования религиозных новообразований. (Л.Н. Митрохин о «новых религиозных правах», М.Л. Кинге, «чёрных мусульманах» и религиях «Нового века») / Л.Н. Митрохин. М.: РОССПЭН, 2010. С. 214.

³⁰ <http://www.inform.ac/>

³¹ Центр им. Св. Иринея Лионского также возглавляется А.Л. Дворкиным.

узкоконфессиональный характер и религиозную нетерпимость.

В рамках методологической проблемы научной объективности религиозоведческих исследований необходимо затронуть атеизм как метод. Нельзя путать данный метод с атеизмом как идеологией, что свойственно для российской действительности. Учёный, стоящий на позиции методологического атеизма, может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, но в ходе исследования он не рассматривает посылку о реально существующем сверхъестественном начале в качестве допущения в своих логических выводах. Таким образом, снимается проблема истинности тех или иных религиозных образований, вместо неё анализируется их внутренняя структура, функции, социо-культурные связи и иные влияния. Данная позиция даёт большие возможности не только для фундаментальных социо-культурных исследований, но также для нахождения путей мирного взаимодействия различных религиозных организаций.

Другой важной проблемой в рамках религиозоведческих исследований НРД является вопрос типологизации или классификации религиозных новообразований. Отечественные и зарубежные религиоведы сегодня единодушны во мнении, что исчерпывающая (научно наиболее обоснованная) классификация новых религиозных движений ещё не была создана. Проблема состоит в том, что взять за основу классификации, чтобы, с одной стороны, охватить всё разнообразие религиозных новообразований, а с другой — объединить их в типологии, сохраняя при этом специфические черты НРД.

А. Баркер в своей работе «Новые религиозные движения: практическое введение» пишет: «Следует неустанно подчеркивать, что практически любое обобщение по поводу НРД оказывается ложным, если его применять ко всем движениям»³².

Социолог Д. Бромлей, автор статьи, посвящённой НРД, в американской «Энциклопедии религии и общества» отмечает ряд особенностей классификации новых религиозных движений. По его мнению, один из наиболее важных способов, который открыли социологи, чтобы предложить теоретические интерпретации НРД, учитывая их разнообразие, состоит в

создании типологий, через которые могут быть смоделированы научно обоснованные объяснения различных форм идеологии и организации движений³³. Бромлей указывает на то, что существенное количество типологий было создано на основе различия по целям и перспективам — по типу смысловой системы, по форме организации движения и взаимоотношений между последователями, взаимоотношений между последователями и обществом³⁴. Далее он приводит отдельные типологии, выдвинутые теми или иными англоязычными авторами, но они представляют собой лишь частные случаи, не дающие общей картины по проблеме классификации НРД. Надо признать, что общепризнанной типологии НРД нет ни в России, ни на Западе.

По нашему мнению, в отечественном религиоведении наиболее разработана проблема типологизации НРД в работах профессора Е.Г. Балагушкина.

Воспользуемся типологией НРД, представленной в совместной статье Е.Г. Балагушкина и В.К. Шохина³⁵. По мнению Е.Г. Балагушкина, основное упущение классификаций НРД состоит в том, что, прежде всего, принимаются во внимание внешние, феноменологические проявления нетрадиционных религий, а не их внутренняя, структурно-функциональная организация, определяющая их морфологию, с учётом которой и строится типология религий. В подобных классификациях выделяют неохристианство, неоориентализм, неоязычество, синкретические и универсалистские религии, врачевательные и психотерапевтические культы, эзотерические религиозно-философские течения, неомистицизм. Такого рода классификация НРД выстраивается в соответствии с теми базовыми традициями, которые они модернизируют³⁶, в последнее время в неё также добавляют движение New Age (о нём мы упоминали выше).

Подобное деление позволяет систематизировать многообразие НРД, однако, упускает из виду социокультурный контекст. Данное упу-

³³ Bromley D. New Religious Movements in Swatos W.Jr. (ed.) Encyclopedia of Religion and Society//<http://hrr.hartsem.edu/ency/NRM.htm>

³⁴ Там же.

³⁵ Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2.

³⁶ Там же. С. 70.

³² Баркер А. Новые религиозные движения: практическое введение. СПб., 1997.

щение способен восполнить морфологический анализ, позволяющий «разрабатывать структурно-функциональные типологии религии»³⁷. Как отмечает Е.Б. Балагушкин, подобные типологии известны давно, но ранее они не были связаны с исследованием НРД, хотя заложили важные методологические предпосылки для разработки их собственной типологии. Имеется в виду, во-первых, представление о культурно-исторических типах религий, связанное с определёнными формами общественной организации, и шире — разными цивилизационными уровнями, данное представление было свойственно Вико, Гегелю, Веберу, Тойнби. Во-вторых, это убеждение о неравноценном воздействии различных религий на жизнь и развитие общества, в особенности, у М. Вебера при рассмотрении роли протестантизма в становлении капитализма. В-третьих, это разработанные типологии религиозных институтов, ролевых взаимоотношений между различными категориями верующих, взаимосвязей религиозных организаций с социальными институтами. Подобные научные исследования были начаты Э. Трельчем, М. Вебером и продолжены Герардусом ван дер Леу и Й. Вахом. По мнению Балагушкина, современные религиоведы и социологи анализируют типологию НРД именно в этих трёх аспектах³⁸. В современном религиоведении третий аспект наиболее разработан. Так, Ч. Глок подверг критике старую теорию «секты-церкви» Вебера и Трельча, показав, что не всегда сектантские институты превращаются в церковные, нетрадиционным религиям свойственно разнообразие институциональных форм. Б. Уильсон анализировали типологические особенности различных религиозных сект, А. Баркер проследила изменения взаимоотношений НРД с окружающей средой и положения личности в них.

В рамках типологии НРД по отношению к их базовым традициям, помимо деления на неохристианство, неоориентализм, неоязычество и т.д., для Российской действительности логично подразделять НРД по происхождению на зарубежные и российские. К первой более многочисленной группе будут отнесены квазихристианские (эсхатологические и др.), квазивосточные и западно-восточные (например, мунизм). Вторые включают

в себя теософские (Агни-йога), эсхатологические (ЮСМАЛОС), экологические (ивановцы, анастасьевцы, коммуны вассарионовцев), квазиправославные (Богородичный центр) и неоязыческие, включая шаманистские (славянские, поволжские, тувинские, северных народностей).

Также можно классифицировать НРД по степени проявленности институционально-иерархического принципа. С этой классификацией тесно связана ещё одна, построенная на степени выраженности «гуруизма» в повседневной жизни адептов. Вторая крупная типология НРД выстраивается на основе их отношения к социальной реальности. В зависимости от понимания своего предназначения в обществе НРД делятся на три типа³⁹. Так, *интегральные* стремятся подчинить своему влиянию все стороны человеческого существования, претендуют на то, чтобы заменить своим верованием уже существующие мировые религии⁴⁰. НРД *проективного* типа стремятся реализовать глобальные проекты (экологические — вассарионовцы, воспитательные — последователи Штайнера, Гурджиева, задачи духовного возрождения — Агни-йога, Фалуныгун, Ананда Марг). *Инструментальные* НРД находят главным решение конкретных задач, например, оздоровительных (приверженцы Иванова, целительных методик Цигун и Рейки) или политических (движение «К Богодержавию», Хизб ут Тахрир как пример исламских сект и др.).

В целом отношение НРД к окружающему миру даёт повод подразделять их на обновленческие, оппозиционные и альтернативные. *Обновленческие* движения нацелены на скорейшее разрешение социальных проблем человечества. Одни из них демонстрируют социально-антропологический перфекционизм (ивановцы, рериховцы, вассарионовцы), другие провозглашают «необходимость сакрализации человека, семьи, государства для радикального изменения существующей действительности к лучшему»⁴¹ (муниципы, Ананда Марг).

НРД *оппозиционного* типа находятся по отношению к миру либо в отчуждении, либо в противоборстве, либо выдвигают на первый план иные сакральные приоритеты. В уфологических

³⁷ Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Ч. 1. М.: ИФ РАН, 1999. С. 12.

³⁸ Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Ч. 1. М.: ИФ РАН, 1999. С. 12.

³⁹ См.: Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2. С. 72.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 72.

группах пропагандируют культ космических пришельцев, которые спешат на помощь землянам. Наиболее радикальные представители оппозиционных НРД поклоняются персонифицированному Злу.

Альтернативные НРД проповедуют спиритуальную трансформацию действительности (кришнаиты, последователи Ли Хунчжи и его учения Фалунь Дафа), либо отказываются вообще от каких-либо компромиссов с общественно-государственной системой и дистанцируются от официальных церквей, её поддерживающих (НРД протеста, культы и секты экстремистской направленности)⁴². Существуют также НРД, которые являют собой результат «умиротворения» религиозного протеста или адаптации к окружающему обществу и которые, по мнению Е.Г. Балагушкина, можно охарактеризовать в качестве «новых религий».

Таким образом, на материале статьи Е.Г. Балагушкина и В.К. Шохина выше были рассмотрены две типологии НРД, демонстрирующие их отношение к окружающему обществу, а также представление о своей роли в нём. Преимущество данной типологии в сравнении с уже устоявшимся делением НРД по направлениям, как нам кажется, в том, что позволяет сочетать социологический метод в религиоведении с аналитическим.

Религиозная жизнь общества — явление динамическое. Как только кажется, что религиоведческие исследования расставили все точки над «и» и дали ответы на животрепещущие вопросы, перед нами уже иная картина: постоянно происходят трансформации не только внутри традиционных конфессий и их связей с социальными институтами, но те же процессы касаются новых религиозных движений и внеконфессиональной религиозности. Поэтому поступательное научное изучение религиозных феноменов, одним из которых являются НРД, не может потерять своей актуальности. Вопрос в том, что религиоведческая методология также должна эволюционировать, отвечая запросам науки и времени.

Сегодня Россия — светское и демократическое государство, в котором законодательно закреплена свобода вероисповедания, а значит, *de jure* созданы условия для развития религиозного плюрализма. *De facto* ситуация намного сложнее, большинство новых религиозных движений и их

участники по-прежнему считаются вне рамок «нормальности», ещё не изжил себя миф об психических отклонениях как причине вступления в НРД (не исключаем, что для отдельных лиц это может быть справедливо), по-прежнему активно издаётся антикультовая литература, способствующая распространению религиозной нетерпимости. Это одна сторона медали. Другая — ещё сложнее. Юридические механизмы не могут в полной мере оградить потенциальных адептов тех или иных новых религиозных движений от деструктивного воздействия на личность, а последнее сегодня не редкость. Факты трудно объяснимых самоубийств, разрыв семейных связей, гибель людей из-за отказа ими самими или родственниками от необходимой медицинской помощи и т.д. — эти и другие реалии наших дней часто оказываются связанными с деятельностью новых религиозных движений. Но подвести действия или (бездействие) этих движений (даже если они зарегистрированы в качестве религиозных организаций) под юридическую ответственность очень трудно. И здесь в интересах общества и государства оказывается проведение квалифицированных религиоведческих экспертиз. Что не возможно без наличия высоко профессиональных специалистов-религиоведов, занимающихся непосредственно исследованием феномена новых религиозных движений. К сожалению, правовое регулирование проведения религиоведческих экспертиз в России слабо разработано, что и приводит к тому, что религиоведческие экспертизы зачастую проводят «случайные» люди, не имеющие отношения к научному религиоведению — отсюда резонансные судебные решения, подобные признанию «Бхагавадгиты» экстремистским материалом.

Государству многое предстоит осуществить в вопросе регулирования деятельности НРД. Во-первых, необходимо эффективное законодательство, чтобы отделить зёрна от плевел, т.е., с одной стороны, защитить население от возможных деструктивных воздействий некоторых НРД («воскрешение» мёртвых, препятствие медицинскому лечению, преступления против детей, экстремизм), с другой — обеспечить правовую защиту законодательно закреплённой свободы совести, т.е. позволить участникам НРД свободно исповедовать свои религиозные убеждения и защитить их честь и достоинство от нападок со стороны традиционных конфессий и ригоризма инакомыслящих. (В данный блок

⁴² Там же. С. 73.

актуальных проблем необходимо также отнести давно поднимаемый юристами вопрос о научном религиоведческо-правовом обосновании термина «традиционные религии России» с последующим его закреплением в законодательстве. Сегодня принцип позитивной дискриминации применяется в России в отношении 4 конфессий: православное христианство⁴³, ислам (суннизм: ханафитский мазхаб)⁴⁴, буддизм, иудаизм — очевидно, что эти конфессии имеют особое историко-культурное значение для коренных народов России, однако, законодательного закрепления этому нет. Поэтому иные конфессии, в том числе и новые религиозные движения, имеют все основания в рамках российского законодательства, закрепляющего светский характер государства, заявлять об ущемлении своих прав, причём не только на внутригосударственном уровне, но и с привлечением международным судебных инстанций. Это в свою очередь наносит серьёзный урон репутации России как правовому государству.

Во-вторых, необходимо понимать, что человеческий потенциал многих НРД может быть высок, и его необходимо привлечь к участию в социальной деятельности: к решению глобальным проблем, борьбе с алкоголизмом и наркоманией, реабилитации инвалидов, проведению благотво-

рительных акций, к миротворческой деятельности, к преодолению национализма и т.д.

Первичной основой для выстраивания подобной политики должны служить квалифицированные религиоведческие исследования.

В заключение хотелось бы подчеркнуть важное значение религиоведческих исследований НРД для фундаментальной науки. Нет необходимости изобретать с многомиллиардными затратами «андронный коллаيدر» для того, чтобы изучить морфогенез религии, проследить её развитие от первоначального, зачастую мистического, импульса до последующей институализации и метаморфоза её форм. Благодаря феномену новых религиозных движений мы обладаем колоссальным эмпирическим материалом для проведения подобных исследований. В данной области сокрыто благодатное поле для научных открытий не только для религиоведов, но и для культурологов, психологов, социологов, антропологов. По-настоящему эвристическим потенциалом обладает морфологический анализ религий в рамках аналитического религиоведения, поскольку позволяет проанализировать структурно-функциональные особенности религий, а значит, соединить, казалось бы, непохожие функциональные типы веры в единую систему.

Список литературы:

1. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Ч. 1. М.: ИФ РАН, 1999.
2. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Морфологический анализ. Ч. 2. М.: ИФ РАН, 2002.
3. Балагушкин Е.Г., Шохин В.К. Религиозный плюрализм в современной России. Новые религиозные движения на постсоветском этапе // Мир России. 2006. № 2.
4. Баркер А. Новые религиозные движения: практическое введение. СПб., 1997.
5. Григорьева Л.И. Религии «нового века» в современной России: социально-философский анализ. Автореферат дисс. М., 2000.
6. Гуревич П.С. Возрожден ли мистицизм? М.: Политиздат, 1984.

⁴³ Вопрос о рассмотрении протестантизма (в особенности лютеранства) и католичества в качестве нетрадиционных религий России не однозначен, поскольку их общины существовали здесь на протяжении нескольких веков.

⁴⁴ Данное уточнение имеет важное прагматическое значение не только потому, что ханафитский мазхаб суннитского ислама наиболее распространён среди мусульман России, но и потому что это наиболее миролюбивое направление (правовая школа) в современном исламе, ориентированная на модернизацию, на существование и взаимодействие в поликультурном обществе.

7. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения // Религиоведение. Уч. / под ред. И.Н. Яблокова. Гл. XI. М.: Высшая школа, 2008.
8. Кантеров И.Я. Как классифицировать религиозные организации [Электронный ресурс] // <http://news.invictory.org/issue6847.html>.
9. Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академ. проект, 2007.
10. Митрохин Л.Н. Религии «Нового века». М.: Советская Россия, 1985.
11. Митрохин Л.Н. Социально-психологическая природа «религий Нового века» // Вопросы научного атеизма. 1985. № 32.
12. Фаликов Б.З. Культы и культура: От Елены Блаватской до Рона Хаббарда. М.: РГГУ, 2007.
13. Эгильский Е.Э., Матецкий А.В., Самыгин С.И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. М.: КноРус, 2011.
14. Bromley D. New Religious Movements in Swatos W.Jr. (ed.) Encyclopedia of Religion and Society [Электронный ресурс] // <http://hrr.hartsem.edu/ency/NRM.htm>.

References (transliteration):

1. Balagushkin E.G. Netraditsionnye religii v sovremennoy Rossii. Ch. 1. М.: IF RAN, 1999.
2. Balagushkin E.G. Netraditsionnye religii v sovremennoy Rossii. Morfologicheskii analiz. Ch. 2. М.: IF RAN, 2002.
3. Balagushkin E.G., Shokhin V.K. Religioznyy plyuralizm v sovremennoy Rossii. Novye religioznye dvizheniya na postsovetskom etape // Mir Rossii. 2006. № 2.
4. Barker A. Novye religioznye dvizheniya: prakticheskoe vvedenie. SPb., 1997.
5. Grigor'eva L.I. Religii «novogo veka» v sovremennoy Rossii: sotsial'no-filosofskiy analiz. Avtoreferat diss. М., 2000.
6. Gurevich P.S. Vozrozhden li mistitsizm? М.: Politizdat, 1984.
7. Kanterov I.Ya. Novye religioznye dvizheniya // Религиоведение. Уч. / под ред. И.Н. Яблокова. Гл. XI. М.: Высшая школа, 2008.
8. Kanterov I.Ya. Kak klassifitsirovat' religioznye organizatsii [Elektronnyi resurs] // <http://news.invictory.org/issue6847.html>.
9. Krasnikov A.N. Metodologicheskie problemy religiovedeniya. М.: Akadem. proekt, 2007.
10. Mitrokhin L.N. Religii «Novogo veka». М.: Sovetskaya Rossiya, 1985.
11. Mitrokhin L.N. Sotsial'no-psikhologicheskaya priroda «religiy Novogo veka» // Voprosy nauchnogo ateizma. 1985. № 32.
12. Falikov B.Z. Kul'ty i kul'tura: Ot Eleny Blavatskoy do Rona Khabbarda. М.: RGGU, 2007.
13. Egil'skiy E.E., Matetskiy A.V., Samygin S.I. Novye religioznye dvizheniya. Sovremennye netraditsionnye religii i ezotericheskie ucheniya. М.: KnoРус, 2011.
14. Bromley D. New Religious Movements in Swatos W.Jr. (ed.) Encyclopedia of Religion and Society [Elektronnyi resurs] // <http://hrr.hartsem.edu/ency/NRM.htm>.